

МУЖСКАЯ СВЕРХСМЕРТНОСТЬ И ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ РУССКОЙ СКАЗКИ)

© 2015 К.А. Семенюк

Ключевые слова: гендерный анализ, культурный контекст, мужская сверхсмертность, маскулинность, архетипы русской сказки

Аннотация: В статье рассматривается феномен мужской сверхсмертности в культурном контексте, что позволяет увидеть его более глубокие, этнопсихологические причины. Анализ осуществляется на фольклорном материале, который подтверждает, что в России сформировался специфический тип гегемонной маскулинности, который является определённым видом культурного поведения. Его нельзя оценивать как плохой или хороший, но он может иметь свои негативные последствия для мужского здоровья и мужской жизни.

На протяжении последних двадцати лет Россия пребывает в режиме депопуляции, т.е. смертность в стране превышает рождаемость (Рыбаковский 2011). И хотя в ходе государственных мер по улучшению демографической ситуации коэффициент депопуляции падает, при нынешнем уровне рождаемости и смертности дети смогут обеспечить замещение лишь не многим более 70% своих родителей (Рыбаковский 2011). Отдельным пунктом в этой теме стоит мужская смертность, о которой пойдёт речь в данной статье.

При большей физической силе и энергетическом потенциале мужчины умирают раньше и чаще женщин, что на языке демографии называется мужской сверхсмертностью. Причин тому выдвигается много: размер родительского вклада в продолжение жизни, биологические закономерности полового отбора, социально-культурные факторы, поведенческие факторы и т.д. Кроме того, необходимо учитывать ещё и то, что флуктуация смертности и рождаемости мужчин и женщин в разных странах, популяциях и даже социальных слоях зависит также от множества конкретных условий. В данной ситуации специфика России состоит в том, что мы являемся, по выражению Е.М. Андреева, одной из стран с «избыточной мужской смертностью» (Андреев 2001), превосходящей уровень мужской сверхсмертности в других странах с аналогичным уровнем женской смертности. По данным Росстата на 2012 год (Федеральная служба государственной статистики), разница в продолжительности жизни мужчин и женщин в России составляет 11,7 лет в сравнении с 5 годами в США и 6 в Евросоюзе (*Основные ...* 2015).

Тема мужской сверхсмертности – далеко не новинка ни для отечественной демографии, ни для социологии, достаточно вспомнить статью советского демографа Бориса Урланиса «Берегите мужчин!» (Урланис 1968) в «Литературной газете» 1968 года. Однако есть контекст, в рамках которого данная проблема может получить особое звучание. Это контекст культуры. Он позволяет увидеть более глубокие, этнопсихологические причины явления. Именно поэтому мы рассмотрим проблему мужской сверхсмертности на таком архетипическом (в сугубо юнгианском значении термина) примере как русская сказка.

Но прежде чем «взламывать» культурный код российской маскулинности, разберёмся с тем, что же, собственно, понимается под этим весьма широко трактуемым термином.

Действительно, маскулинность не есть раз и навсегда данный образец поведения со всеми вытекающими из этого проблемами. Хотя в рамках биологического и психологического подходов маскулинность рассматривается как объективная данность («Анатомия – это судьба!», – как говорил Фрейд), но более продуктивным мне представляется социологический или конструктивистский подход. «В конструктивистском подходе маскулинность рассматривается как продукт культуры, который имеет разные вариации, но вместе с тем, представляет набор установок, ролей, норм поведения, иерархию ценностей, свойственных мужскому полу в каждом конкретном обществе» (Ильиных 2011: 103). Иначе говоря, маскулинность есть конструкция, совокупность социальных представлений о том, каким должен быть настоящий мужчина.

Социология смотрит на маскулинность как на крайне изменчивый концепт. Отчасти это объясняется тем, что, как и прочие гендерные категории, маскулинность не имеет однозначного определения. Мы можем понимать её как 1) совокупность черт объективно присущих мужчинам, в отличие от женщин; 2) совокупность верований о том, чем является мужчина; 3) некий эталон мужественности.

Австралийский социолог Рейвин Коннел пишет о разграничении разных типов маскулинности и определении среди них стереотипа *гегемонной маскулинности*. «Согласно Коннеллу, гегемонная маскулинность – это способ, с помощью которого определенные группы мужчин приспособляются к позиции власти и благосостояния, а также производят и легитимируют социальные взаимоотношения, поддерживающие их господство» (Тартаковская 2010).

Гегемонная маскулинность во всех современных обществах имеет довольно много общих черт. По мнению Игоря Кона, именно гегемонная маскулинность является фактором, отрицательно влияющим на продолжительность жизни. Социологи и психологи, указывает он, практически повсеместно констатируют, что мужчины везде и всюду переоценивают качества своего здоровья, стесняются признаться в собственной слабости, не умеют и не любят просить о помощи (Кон 2009: 290–291). В этом нет ничего удивительного: «настоящий мужчина»,

соответствующий идеалам гегемонной маскулинности, должен обладать от природы железным здоровьем, как былинный богатырь – полубог и получеловек. Вследствие этого мужчины значительно реже женщин пользуются услугами медицинских, особенно психиатрических, служб и вообще предпочитают не обращаться к врачу. В связи с этим одна из главных причин мужской сверхсмертности – упущенное время для своевременной диагностики. Кроме того, немаловажны и социальные факторы, а это – характерная для мужчин во всем мире более высокая, чем у женщин, смертность от внешних причин, т.е. травм, ДТП, убийств. Однако даже на этом фоне Россия выделяется не лучшим образом: такой короткой ожидаемой длительности жизни нет ни в одной экономически развитой стране, равно как и во многих развивающихся.

Как пишет социолог Ирина Тартаковская, причины смерти, которые выводят показатели продолжительности жизни российских мужчин на печальные «антирекорды», это «не онкология – уровень онкологической мужской смертности в России ниже, чем в такой благополучной стране, как Бельгия, и значительно ниже, чем в ряде стран Восточной Европы и Прибалтике. Смертность от болезней органов дыхания высокая, но почти такая же, как в Великобритании. По смертности от болезней органов пищеварения наши мужчины близки к Румынии» (Тартаковская 2010).

Две главные причины смерти российских мужчин – это смерть от *болезней системы кровообращения* и *внешние, насильственные причины*. От болезней системы кровообращения, т.е. инфарктов и инсультов умирает 992 человека на 100 тыс. населения. Такие показатели выводят нас на первое место в Европе. «Для сравнения, – пишет Тартаковская, – в Латвии, например, от болезней системы кровообращения умирает 779 мужчин на 100 тыс. населения, в Великобритании 331, в Италии – 270, в Швейцарии – всего 217. Таким образом, смертность российских мужчин от болезней системы кровообращения более чем в 4 раза превышает таковую в наиболее благополучных странах Европы» (Тартаковская 2010).

Впрочем, главное отличие российской мужской смертности состоит в том, что Россия является единственной европейской страной, где второй по значимости причиной всех мужских смертей является смерть от внешних, насильственных причин. А это ни больше, ни меньше 288 человек на 100 тыс. населения! Для сравнения: в Венгрии эти показатели составляют 103 человека на 100 тыс. населения, в Германии – 43, и в Голландии – 36. Конечно, для этой страшной статистики есть основания: её делают и ДТП, и армия, и криминальные войны, и «вечный» Северный Кавказ. Однако, обобщая все причины смертей, гендерная социология приходит к выводу, что за ними стоит определенный тип маскулинности, а именно, гегемонная маскулинность. Та маскулинность, которая делает российского мужчину «настоящим мужиком», его же и убивает. Но гегемонная маскулинность, будучи определённым видом культурного поведения, на пустом месте появиться не может, и у неё, в свою очередь, есть свои основания.

Не претендуя на окончательную истину, я предлагаю посмотреть, как формируется «смертоносная» отечественная маскулинность в архетипах русской сказки.

Действительно, фольклор вообще и сказка в частности хороши для гендерного анализа тем, что в них, как в зеркале, отражены все национальные стереотипы поведения. Сказка является мощнейшим инструментом воспитания маленького человека, так как в простой форме доносит вовсе не простые истины. Кроме того, сказочные повторы, устойчивые обороты, ритм («Я от бабушки ушёл, я от дедушки ушёл...» и т.п.), во-первых, дают ребёнку гарантию, что он ничего не забудет; во-вторых, действуют на манер эриксоновского гипноза, вписывая схему поведения в подсознание. Несмотря на то, что многие сказочные сюжеты интернациональны, всегда есть сказки с сугубо национальным культурным колоритом. Поэтому через сказку ребёнок воспринимает то, что было выбрано уже до него и за него. Читая сказку ребёнку, мы транслируем ему веками выношенный культурный код.

Если проанализировать мужские персонажи русских сказок и их литературных переложений (А.С. Пушкина, К.С. Аксакова, А.Н. Толстого и т.д.), то вырисовывается следующая картина. При всём разнообразии сюжетов, мы можем выделить три основных типа маскулинности:

- 1) «стоппроцентно» *героическая*, она же гегемонная – богатыри, царевичи, купцы-добытчики;
- 2) *маргинальная* – Иванушки-дурачки, Емели;
- 3) *несостоявшаяся маскулинность* (термин Д. Плека) – мужья-подкоблучники (вроде старика из «Рыбака и рыбки»).

Рассмотрим героический тип. Тут, на первый взгляд, и добавить вроде бы нечего – герой всегда рискует своей жизнью ради кого-то, чаще всего возлюбленной или отца (что интересно, не матери), отправляясь, например, за молодильными яблоками, а потому и смерть его в бою дело как бы естественное. Но надо сказать, что герой этот далеко не так прост, да и мужественность его по сюжету сказки обычно претерпевает становление, доказывая ребёнку-мальчику лишний раз, что мужчиной не рождаются, а становятся.

Так с чего же начинает герой? А начинает он, как правило, с незавидных позиций: он, конечно, царевич и красавец писанный, но, как известно, красота – это атрибут, скорее, женский, так как красотой нужно любоваться и разглядывать её. Поскольку в традиционном обществе взгляд обязательно связан со статусом смотрящего, то разглядывать может лишь старший младшего, мужчина женщину. А кто же будет разглядывать мужскую красоту? Женщина? Ей это не по статусу. Другой мужчина? Данный тип отношений в сказках табуирован... Будучи царского рода, на трон отца герой сказки, как правило, претендовать не может, так как он самый младший из трёх братьев. А отсутствие реальной власти к мужскому идеалу не приближает.

Если мы имеем дело с богатырём, то и там не всё ладно: «русский Геракл» – Илья Муромец – до тридцати лет лежал без движения на печи: «...А не имел

Илья во ногах хожденьица, / А во руках не имел владеньица» (Исцеление Ильи Муромца 1982: 8). То есть перед нами калека с ДЦП на попечении стариков-родителей, а вовсе не «настоящий мужик», которому море по колено.

История храброго витязя, пушкинского князя Руслана, и вовсе начинается с мужского провала и позора: «красавиц давний похититель» Черномор, будучи в крайне преклонном возрасте, то есть, явно уступая Руслану в мужской силе и стати, крадёт у него с брачного ложа жену. Давая авторский комментарий событиям, сам Пушкин говорит, что в такой ситуации лучше умереть.

Владелец «бессчётной казны» купец Садко до путешествия на дно Ильмень-озера из всех богатств имел только гусли.

Однако герой-аутсайдер по сюжету сказки становится настоящим героем и получает красавицу жену, царство отца (в обход братьев), богатство, т.е. семью и продолжение своего рода, деньги и власть – полный набор гегемонной маскулинности.

Второй тип мужского сказочного героя – откровенно *маргинальный*, если не сказать асоциальный тип (в том смысле, что социум ему глубоко безразличен). Это Емеля из сказки «По щучьему веленью» и Иванушки-дурачки всех мастей. Здесь мужское начало низведено – ниже некуда. Главные характеристики героя – это, во-первых, *лень*, то есть нежелание чего-либо достигать вообще (а маскулинность формируется в борьбе, в соревновании), и, во-вторых, *отсутствие ума* (а ум, он же логос – это такой же необходимый атрибут маскулинности и власти, как и фаллос). Всю свою жизнь герой проводит, гоня голубей, что делает его не мужем, но мальчиком, или лёжа на печи, в то время как старшие, умные братья уходят на работу, ярмарку и т. п. Его круг общения – это невестки (жены братьев), понукающие его сделать хоть что-нибудь, или старики-родители – то есть, перед нами явно не общество полноценных мужчин-гегемонов. Обретение героем маскулинных атрибутов (обретение богатства и царской власти через женитьбу на Марье-царевне) происходит каким-то сверхъестественным способом: с помощью волшебной щуки, Сивки-Бурки, Серого волка.

Третий тип, *несостоявшиеся маскулинности* – это второстепенные персонажи. Таковы отцы Настенек, Крошечек-Хаврошечек. Они всегда лишь верные исполнители воли своих вторых авторитарных жён. Мачеха в сказке – это воплощение вселенского зла. Соответственно, «мужчина, не способный подчинить себе женщину – помощник злых сил» (Пушкарёва 2001). Собственно, маскулинного поведения за данными персонажами не числится. Эти мужчины-подкаблучники «сплошь и рядом демонстрируют бессилие: когда мачеха посылает падчерицу в морозный лес, ее отец, – сказано в сказке, – лишь “тужит и плачет”, но отнюдь не пытается задержать дочку или отменить решение своей злой и вредной жены» (Пушкарёва 2001).

Как видим, отечественная гегемонная маскулинность гегемонна лишь отчасти, но почему же тогда так высока мужская смертность? Может быть, русский фольклор очищен от «смертоносных» гендерных стереотипов? Безусловно, нет. Как элемент всякой традиционной культуры, фольклор

концентрирует в себе традицию, и наличие стереотипа в нём обязательно. Просто эта традиция и эти стереотипы имеют свои особенности.

Жизненный сценарий сказочного героя таков, что свою фаллическую маскулинную броню он получает как-то невзначай – от Серого волка, Сивки-Бурки, Бабы-яги. При этом даже самый ленивый и глупый Емеля понимает, что она, в общем-то, даёт ему некие дивиденды: недаром, попав к царю, он тишком пожелал влюбиться в себя царскую дочку. Да и лень его – это, скорее, способ сопротивления диктату. «Молодцы-ленивцы и «дурачки» отказываются выполнять распоряжения людей с более высоким социальным положением – и потому уже заслуживают уважения и внимания, так как в их отказе звучит заявление своего права иметь собственные жизненные ценности, которые могут и не совпадать с общепринятыми» (Пушкарёва 2001). По сути, Емеля – это не просто бездельник, валяющийся на печке, это фрондёр, отвечающий царю, что он к нему по первому вызову не поедет, потому что не охота, да и царь ему не нравится. Емеле его «гражданская позиция» выходит боком: его засмолили в бочку вместе с Марьей-царевной, и если бы «не щучье веление», то продолжения, скорее всего, не было бы. Таким образом, перед нами пример именно архетипического мужского поведения, хотя и облечённый в такую юродивую форму.

Что же касается богатырей-царевичей, то одна из особенностей их натуры – это часто совершенно безответственный, но точно стереотипно мужской авантюризм. Сколько лягушка, Серый волк или Сивка ни предупреждают: «Не бери кожу, не трогай клетку, уздечку и т.д.», – всё попусту, натура всегда берёт своё. В реальной жизни авантюризм царевичей обычно заканчивается не свадьбой с красавицей, а ДТП и сломанной шеей. Но стереотип, усвоенный с детства, говорит: «Смерть? Только не моя! Всегда придёт на помощь волк с живой водой, и я воскресну». Мы не можем сказать, что этого авантюризма нет в иностранных сказках, но того объёма, который есть в русских, ещё надо поискать.

В рамках небольшой статьи, безусловно, нет возможности нарисовать полноценный портрет русской сказочной гегемонной маскулинности – это дело более объёмного исследования. Однако, подытоживая вышесказанное, можно отметить, что стереотип гегемонной маскулинности формируется веками как образец истинно мужского поведения. Он транслируется не только массовой культурой и масс-медиа, но и вполне безобидным сказочным миром. Его нельзя оценивать как плохой или хороший, но он может иметь свои негативные последствия для мужского здоровья и мужской жизни. Так как основные причины смерти российских мужчин – это инфаркты, инсульты и внешние поводы, то портрет русского сказочного героя лишней раз доказывает, что от этих причин умирают люди, безответственно пускающие свои проблемы на самотёк в ожидании, что они каким-то сказочным образом разрешатся.

Библиография:

Андреев, Е.М. (2001) Смертность мужчин в России. *Вопросы статистики*, №7

(<http://www.demoscop.ru/weekly/2003/0131/analit05.php>) (20.08.2015).

Ильиных, С.А. (2011) Множественная маскулинность. *Социс*, №7, с. 101–109.

Исцеление Ильи Муромца (1982) *Три богатыря: Былины*. Саратов: Приволжское книжное издательство, 200 с.

Кон, И.С. (2009) *Мужчина в меняющемся мире*. М.: Время, 496 с.

Основные демографические показатели по всем странам мира в 2012 году (2015)

(http://www.demoscop.ru/weekly/app/world2012_2.php.) (20.08.2015).

Пушкарева, Н.Л. (2001) Читаем сказки сквозь гендерные очки, Семашко И.М. (ред.) *Гендерные проблемы в общественных науках*. М., ИЭиА РАН, с. 88–109.

Рыбаковский, Л.Л. (2011) Динамика населения России и её компоненты в 2001 – 2025 гг., *Социс*, №12, с. 43–50.

Тартаковская И.Н. (2010) Смертельная ноша маскулинности – (<http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0425/analit02.php>) (20.08.2015).

Урланис, Б.Ц. (1968) Берегите мужчин! *Литературная газета*, 26 июля.

Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт (<http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstatmain/rosstat/ru/statistics/population/demography/#>) (20.08.2015)